

5. Тихонов, А.Н. Словарь русских личных имен / А.Н. Тихонов, Л.З. Бояринова, А.Г. Рьжкова. – Москва: Школа-Пресс, 1995. – 733 с.
6. Spis imion prawosławnych w brzmieniu polskim i staro-cerkiewno-słowiańskim. – Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2011. – 110 s.
7. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 326 с.
8. Сулова, А.В. О русских именах / А.В. Сулова, А.В. Суперанская. – Ленинград: Лениздат, 1978. – 210 с.

А.Р. Попова

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
e-mail: Studioaa2001@yandex.ru

УДК 81'373.231

Неофициальные антропонимы с мотивационной основой 'объекты вещного мира, артефакты', характеризующие человека по внешнему виду, в орловских говорах

Ключевые слова: *ономастика, неофициальный антропоним, прозвище, семантика, мотивационная основа, орловские говоры.*

Статья посвящена исследованию мотивационных основ неофициальных антропонимов Орловщины: какие предметы вещного мира и по каким параметрам соотносятся с особенностями внешности человека в целом либо с характерными признаками отдельных частей человеческого тела. Определяются визуальные, ассоциативные, ситуативные параметры сопоставления «артефакт / человек», отражённые в прозвищных именовании. Описываются метафорические и метонимические переносы значения, сопровождающие онимизацию имён нарицательных, а также некоторые словообразовательные и морфологические особенности неофициальных антропонимов.

A.R. Popova

Orel State University named after I.S. Turgenev

Unofficial anthroponyms with a motivational basis 'objects of the material world, artifacts' characterizing a person by appearance in the Orel dialects

Key words: *onomastics, unofficial anthroponym, sobriquet, semantics, motivational basis, Orel dialects.*

The article is devoted to the research of the motivational foundations of unofficial anthroponyms of the Orel region: what objects of the material world and by what parameters correlate with the features of a person's appearance as a whole or with characteristic features of individual parts of the human body. The visual, associative, situational parameters of the comparison «artifact/person» reflected in the sobriquets are revealed. Metaphorical and metonymic transfers of meaning accompanying the onymization of common nouns, and also some word-formation and morphological features of unofficial anthroponyms are described.

Значительную группу в ономастиконе народных говоров составляют лично-индивидуальные прозвища, называющие человека в неофициальном бытовом общении по какой-либо внешней особенности. Многие из них, являясь результатом онимизации нарицательных существительных, представляют собой одно из средств языкового выражения общего функционально-семантического поля компаративности, т.к. содержат сравнение, сопоставление: человек – и объект вещного мира, с которым именуемое лицо обнаруживает сходство по какому-либо параметру. При образовании прозвища реализуется

четырёхкомпонентная структура сравнения [1, 3]: компаратом выступает нарекаемое лицо, компарантом – артефакт, основанием для сравнения – соотносительный признак, компаратором, или средством выражения сравнения, – сам антропоним с его семантическими и (или) грамматическими, словообразовательными особенностями.

Отметим, что в качестве критерия сопоставления носителями языка чаще всего выбирается признак визуальный, явный – примечательные особенности внешности в целом или каких-либо частей тела, не соответствующих принятым в социуме представлениям о «стандарте». Либо же базой для создания прозвища становится признак ассоциативный / ситуативный, но, в любом случае, при образовании неофициального антропонима осуществляется соотнесение, сопоставление, в результате чего происходит онимизация апеллятива. Именно мотивационный признак 'артефакт, обнаруживающий сходство с внешностью человека' нередко лежит в основе прозвищ, которые возможно группировать и по данному ономазиологическому параметру. Известно, что «наряду с объединением слов в семантические поля на основе их денотативной общности возможна (и необходима) группировка слов на основе общности их мотивационной модели (мотивационного признака)» [4, 116].

Материалом исследования стали лично-индивидуальные прозвища человека по его внешнему облику, бытующие на Орловщине, собранные обучающимися и преподавателями Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

1. В прозвищных именовании отражается восприятие внешности человека в целом: самые общие характеристики, касающиеся телосложения и комплекции, – того, что наиболее заметно и в первую очередь обращает на себя внимание. Так, немало единиц, внутренняя форма которых маркирует недостаток веса / избыточную полноту, причём нередко добавляется и второй критерий – рост человека как отклонение от некоей нормы: слишком высокий или слишком низкий.

Человек, отличающийся чрезмерной худобой, образно сопоставляется с объектом, сделанным из дерева и имеющим длинную, вытянутую форму, – ср. ряд онимов, образованных на базе нарицательных существительных, имеющих сходные денотаты: *Вежа* (ж.) «высокая, худая, с длинными руками», *Жердь* (ж.) «худощавая, тощая, высокого роста», *Прут* (м.) «очень худой и высокого роста», *Спичка* (ж.) «страдает болезненной худобой» (здесь и далее в кавычках приводятся пояснения информантов, буквами м. либо ж. обозначен пол носителя прозвища). Онимизируются и наименования объектов, изготовленных из другого материала, имеющих подобную же форму: *Шланг* (ж.) «очень худая и высокая ростом», *Шпала* (ж.) «худощавая и высокая (рост 2,1 метра)», *Ремень* (м.) «высокий и худой», *Лапша* (м.) «худой и высокого роста» и т.п. Как можно заметить, информанты указывают не только на чрезмерную худобу, но и на высокий рост носителей прозвищ: видимо, именно при таком росте недостаток веса наиболее заметен.

Чрезмерно худому человеку даются прозвища и с иной образной основой – мотивационным признаком 'плоский'; подобные единицы маркируют несоответствие общепринятому представлению о фигуре женщины: *Фанера* (ж.) «очень худая женщина, телосложение таково, что фигура кажется почти плоской (почти нет груди, и она маленького размера)», *Любовчѣнка* (ж.) «очень худая, сухощавая девушка». Если значение апеллятива *фанера* общеизвестно, то диалектное существительное *любовчѣнка* нуждается в пояснении: в орловских говорах функционируют однокоренные лексемы *любовѣина*, *любовчѣина*, *любовчѣнка* в значениях «прослойка мяса в соленом свином сале» и «о худенькой, невзрачной девушке, женщине» [2, вып. 6, 87–88]. Как видим, внутренняя форма антропонима *Любовчѣнка* прозрачна, о чём свидетельствуют вторичные значения указанных диалектных существительных.

Прозвища, данные излишне полным людям, также нередко отображают сразу два вышеуказанных параметра внешности «комплексия + рост», причём рост малый, ниже

нормы (в отличие от прозвищных именовании людей излишне худых, отличающихся высоким ростом). Компарантами выступают предметы объёмные, имеющие округлую форму, ср. *Глобус* (ж.) «очень полная, но небольшая ростом (1,5 метра)», *Шарик* (м.), *Поплавок* (м.) «маленький и толстый мужчина» и т.п. Причиной создания прозвища может послужить типичная речевая ситуация, впрочем, основанная на внешней особенности именуемого: *Горшочек* (м.) «в детстве родители сравнивали по телосложению с горшочком за полноту, говорили: «*Колюшка, ты у нас как горшочек*». Интересно, что прозвище может совмещать в своей внутренней форме не два, а три признака, при этом принимаются во внимание не только форма и размер, но и цвет предмета-компаранта: ср. *Чугунка* (ж.) «женщина как небольшой приземистый чугунок, к тому же закопчённый (женщина темнокожа)». В орловских говорах распространено слово *чугунка* в значении «небольшой чугунок», которое, по-видимому, и послужило основой для создания прозвища.

Прозвище способно воссоздать не только статический, но и динамический портрет человека – указать на особенности походки как следствие телосложения, комплекции: *Кубышка* (ж.) «полная настолько, что ходит, переваливаясь с ноги на ногу, словно катится» (как известно, отличительным признаком сосуда, названного существительным *кубышка*, являются широкие бока). В целом, обращает на себя внимание типичность, распространённость переноса значения «посуда округлой, приземистой формы → полный невысокий человек».

Выделяется ещё один актуальный тип семантического переноса: «выпечное изделие округлой формы → полный невысокий человек», ср. *Пончик* (м.) «мальчик толстый, похож на пирожок» и *Пончик* (м.) «маленького роста, полный мужчина», *Жамочка* (ж.) «женщина толстенькая, маленького роста», ср. *жамка* – обл. «Круглый пряник, обычно мятный» [3], *Калачик* (м.) «человек невысокого роста, очень полный, руки и ноги “колесом”», онимизация может сопровождаться суффиксацией: *батон* → *Батон-их-а* (ж.) «девочка ростом большая и плотная, похожа с виду на батон», *колобок* → *Колобч-их-а* (ж.) «очень полная и маленькая ростом женщина».

Сходство внешности обладателя прозвища и сопоставляемого объекта весьма относительно: в большей мере оно представлено при семантическом переносе «предмет округлой формы → человек», в меньшей мере – при семантическом переносе «предмет в форме куба либо прямоугольной четырехугольной призмы → человек». Сравнение опосредованно, ассоциативно, оно подчёркивает неправильность, нестандартность фигуры, отсутствие талии; полнота человека передаётся через гиперболизированный параметр: *Матрас* (м.) «толстый мужчина», *Тумбочка* (ж.) «толстенькая девочка», *Коробка* (ж.) «толстенькая, маленького роста женщина».

Критерий роста, не соответствующего условному эталону, отображается посредством сравнения с предметом, размеры которого действительно очень малы, например, *Копейка* (ж.), *Пупсик* (ж.), *Кнопка* (ж.), *Шкалик* (м.), ср. *шкалик* – название бутылочки, стакана объёмом 0,25 литра; либо предмет мал относительно человеческого роста – ср. *Кукла* (ж.) – кукла есть уменьшенная «модель» человека.

Наконец, прозвища фиксируют общеэстетическое восприятие человека как красивого или некрасивого через сопоставление с атрефактом. Ср., например, образование онима *Матрёшкин* (м.) «красивый парень, похож на куклу матрёшку». В данном случае актуально не непосредственное сходство с объектом (кукла матрёшка не является, как известно, эталоном мужской красоты, в данном случае речь идёт о молодом человеке двадцати трёх лет). Важно, что типично русская деревянная игрушка матрёшка в сознании носителей языка и культуры воспринимается позитивно, как безусловно красивая. Образование антропонима сопровождается суффиксацией (-ин-), поскольку род апелляции *матрёшка* не соответствует полу нарекаемого.

Прозвище *Шкварка* (м.), содержащее общее восприятие человека как некрасивого, также базируется не на прямом сходстве объектов, а на отдалённой ассоциации: ср. *шкварки* (ед. *шкварка*) «поджарившиеся твердые кусочки сала, получившиеся после его вытапливания» [3]; орловским говорам также известно слово *шкварки* в значениях «остатки выжаренного сала», «сильно пережарившиеся кусочки чего-либо». Данный объект, не обладающий чёткой, определенной формой, в целом воспринимается как «некрасивый», не вызывающий положительного эстетического впечатления, отсюда и создание подобного прозвища.

2. Во многих случаях прозвища указывают на отдельную часть тела человека, чем-либо примечательную. Чаще всего визуальным эталоном сравнения становится форма предмета. Ср. прозвища, маркирующие особенности головы и лица, – *Котелок* (м.) «с большой, круглой головой», *Коржик* (м.) «имеет круглое лицо», форму носа – *Крючок* (м.) «имеет очень длинный нос, похожий на крюк», особенности волос – *Куделя* (ж.) «непричёсанная голова», выдающиеся размеры рук – *Грабля* (ж.) «имеет совсем не женскую руку, чтобы покрыть площадь её ладони, большой и широкой, необходимо положить две чужих», дефект позвоночника, форму спины, – *Кочерга* (ж.) «высокого роста, горбатая» и т.п. Как можно заметить, онимизация сопровождается сложным переносом значения: так, прозвища метафоричны (в их основе явно лежит сравнение «предмет – часть тела человека»), и в то же время человек обозначен по его характерной части, что соответствует метонимическому переносу значения.

Интересно образование прозвищного именованного человека посредством мотивационного признака ‘необходимость человеку определенного предмета’: пояснение неофициального антропонима *Костыль* (м.) «ходит, прихрамывая, т.к. одна нога короче другой» не содержит указания на то, использует ли костыль именуемый (что было бы логично), важна необходимость этого предмета при подобном дефекте ног.

Номинация может быть осуществлена опосредованно, не через очевидное сопоставление «предмет – человек», а путём сложного, многоступенчатого ассоциативного семантического переноса, связанного с определенной ситуацией: «предмет – возможный результат действий с таким предметом – результат сходных действий применительно к внешности человека (причёске) – сам человек»: *Газонокосилка* (м.) «прозвище дали в связи с неудачной стрижкой, будто ему по голове газонокосилкой проехали, т.е. неровная, клоками». Ситуативно и создание прозвища *Пила* (м.) «отбывал тюремное наказание в Сибири, где работал на лесоповале, в результате ссоры с другим заключенным остался без одной руки (отпилили)». Прозвище *Пила* как бы компрессирует широкий контекст, биографический эпизод, рассказанный информантом в толковании данного антропонима, – и передаёт целую ситуацию единственной лексемой. При этом онимизируется имя существительное, однокоренное глаголу *отпилить*, не содержащееся в пояснении (онимизация именно субстантива вполне логична, поскольку прозвищем обозначен человек, лицо).

3. Среди неофициальных антропонимов выделяется группа единиц, называющих человека, постоянно носящего какой-либо аксессуар, который начинает восприниматься как яркая деталь, как нечто неотделимое от внешнего облика. Использование такого аксессуара может являться физической необходимостью или следствием вкусов, привычек. В подобных случаях онимизация сопровождается метонимическим переносом: обозначение данного предмета как бы замещает обозначение человека, ср. *Линза* (ж.) «очень плохое зрение, носит очки с крупными линзами», *Сумка* (ж.) «всегда ходит с сумкой», *Трубочка* (м.) «всегда ходит с трубочкой, курит».

Как можно заметить, одна и та же внешняя особенность человека маркирована в прозвищах и соотнесена с различными объектами: например, полнота человека передана через сопоставления с посудными изделиями (ёмкостями округлой формы), выпечными изделиями, предметами мебели.

Неофициальные антропонимы часто фиксируют целостное восприятие человека по самым характерным и заметным признакам – комплекция и рост. В этих случаях прозвище, как правило, метафорично, и в его основе лежит семантический перенос, сопоставление «предмет → человек» (*Глобус, Шланг*). Во многих случаях прозвищное именование экспрессивно и внешний признак носителя прозвища явно гиперболизирован. Мотивационной основой прозвища нередко становится выделяющаяся какими-либо особенностями часть тела человека; соответственно, при этом метафорический перенос происходит следующим образом «предмет → часть тела именуемого человека» (*Крючок, Куделя*). Как можно заметить, даже аксессуар может восприниматься как деталь внешности, в этом случае оним метонимичен, в основе образования прозвища не сходство человека с неживым объектом, а ассоциация «часть (аксессуар) → целое (человек)» (*Линза, Сумка*). Помимо онимизации апеллятива, сопровождающейся тропеическим (метафорическим и метонимическим переносом значения), в ряде случаев наблюдается образование онима в связи с определенной ситуацией, связанной с человеком, когда апеллатив выступает как маркер, сжатое, компрессированное до одного слова представление этой ситуации (*Пила, Газонокосилка*).

Явной семантико-морфологической особенностью приведенных онимов становится отсутствие чёткого соответствия пола обозначаемого лица и рода антропонима – во многих случаях эти параметры не совпадают: ср. *Шланг, Пупсик, Глобус* и др. – женские прозвища, *Трубочка, Пила* и др. – мужские. Следовательно, гораздо значимее оказывается визуальное либо (реже) ситуативное сопоставление нарекаемого лица с неживым объектом, нежели родовая принадлежность соответствующего существительного-апеллятива. Однако в других случаях говорящим необходимо актуализировать, подчеркнуть родовую принадлежность антропонима, соотнести его с полом именуемого, тогда онимизация сопровождается словообразовательными явлениями (суффиксацией): *Батониха* (ж.), *Колобчиха* (ж.), *Матрёшкин* (м.).

Вещный мир, окружающий человека, детально освоен и осознан, поэтому в качестве прозвищ употребляются онимизированные номинанты таких предметов, которые часто используются в повседневном быту деревенского жителя. Мотивационной основой прозвищных именовании становятся, как правило, яркие визуальные признаки артефактов: форма, объём, размер, реже – цвет, а также комбинации указанных критериев, рождающие полипризнаковые неофициальные антропонимы.

Литература

1. Конюшкевич, М.И. На шкале сходств и различий: категория сравнения в русском и белорусском языках / М.И. Конюшкевич. – Гродно: ГрГУ, 2018. – 435 с.
2. Словарь орловских говоров / под ред. Т.В. Бахваловой. – Вып. 1–4. – Ярославль, 1989–1991. – Вып. 5–17. – Орел, 1992–2016.
3. Словарь русского языка: в 4-х тт. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/25/ma472019.htm?cmd=0&istext=1>. – Дата доступа: 05.01.2022.
4. Толстая, С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира / С.М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3). – С.112–127.